

8. Чурсин Г.Ф. Магическое значение имени у кавказских народов // Бюлл. КИАИ. 1928. № 4.
9. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
10. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. Владикавказ. 1875. № 9.
11. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // ИИНИИК. 1930. Вып. 2 – 3.
12. Шаманов И.М., Невская В.П. Семья и семейный быт // Карачаевцы. Черкесск, 1978.
13. Невская В.П. Пережитки родовой общины и семейная община карачаевцев в XIX веке // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Серия историческая. Ставрополь, 1970.
14. Боташев М.Д. Установление искусственно-го родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. Институт этнологии и антропологии РАН.
15. Там же. С. 153.
16. Петров Г. Верховья Кубани – Карачай. Памятная книжка Кубанской области за 1880 год. Екатеринодар, 1881.
17. Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.
18. Невская В.П. Пережитки родовой общины.
19. Полевой материал. 1998 г. Акачиева Халимат. 1914 г. г. Карачаевск. Цит. по: Боташев М.Д. Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. Институт этнологии и антропологии РАН.
20. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: Сельская община. Нальчик, 1977.
21. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
22. Хатуев Р.Т. Шариатская реформа // Карачай с древнейших времен до 1917 года. Черкесск, 2009.
23. Боташев М.Д. Указ. соч.
24. Шаманов И.М., Невская В.П. Указ. соч.
25. Тульчинский Н.П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ. 1904. Вып. V.
26. Хатуев Р.Т. Шариатская реформа.
27. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания.
28. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период. Черкесск. 1960.
29. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
30. Гаджиева С.Ш. Указ. соч.
31. Берже А. Татарское племя на Кавказе // газета «Кавказ». 1859. № 89.
32. Гаджиева С.Ш. Указ. соч.
33. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних областей // История, география и этнография Дагестана XVII – XIX вв. М., 1958.
34. Там же.
35. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в начале XVIII – XIX в. Нальчик, 1994.
36. Хатуев Р.Т. Шариатская реформа.
37. Косвен М.О. Аталычество // Этнография и история Кавказа. М., 1961.

УДК 947(471.6)

Абайханова П.И.

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КАРАЧАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье представлен результат исследования интеграции Северо-Кавказского региона, в частности Карачая, в состав Российской империи в последней трети XIX в. Автор показывает жизнь горских народов в период установления гражданской администрации и казачьих отделов.

The result of research of integration of the North Caucasian region is presented in the article, including Karachay in the complement of the Russian empire in the second half of XIX – beginning of XX cc. During research an author exposes life of mountainous people in the period of civil administration and cossack departments.

Ключевые слова: адат, интеграция, административные преобразования, традиционное право, горские народы.

Keywords: Adat, integration, administrative changes, traditional right, mountain people.

Установление российской администрации в Карачае представлено различными формами правления. Это прежде всего приставские управления (первая форма правления на завоеванных территориях Северного Кавказа в первой половине XIX в., которая сильно ограничила политические права карачаевцев и других народов Северного Кавказа. Она просуществовала до середины 50-х годов XIX в.), военно-народная структура (по «Положению об управлении горцами Кубанской области» в январе 1866 г. были введены военно-народные управления, и все горские народы Кубанской области были распределены по пяти военно-народным округам: Эльбрусскому, Псекупскому, Лабинскому, Зеленчукскому, Урупскому. Карачай вошел в Эльбрусский округ), система гражданской администрации (с января 1871 г. военно-народные округа были ликвидированы. «Положение» 1871 г. вводило у горских народов гражданское управление. Горское население Кубанской области вместе с русским населением вошло в состав уездов в Кубанской области. Их было пять: Баталпашинский, Майкопский, Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский. Карачай вошел в Баталпашинский уезд), казачье управление (с конца 1880-х годов уезды были преобразованы в отделы, в результате чего горское население целиком оказалось в подчинении казачьей администрации. Горцы лишились самоуправления, которое получили в предыдущий период).

В данной статье рассмотрены две последние формы правления российской администрации на Северном Кавказе, и в частности в Карачае.

Так, в 1871 г. в Терской и Кубанской областях была упразднена система военно-народного управления и введена гражданская администрация. Это объяснялось тем, что политика российского правительства была направлена на постепенное внедрение имперской административной системы на всем Кавказе.

«... С признанием возможности и своевременности распространения общих гражданских законов на трехсоттысячное разноплеменное и отчасти беспокойное горское население Терской области

вопрос о применении таких мер к малозначительному горскому населению Кубанской области, большая часть которого давно считалась покорною, сам собою разрешался», – отмечается в одном из фундаментальных трудов по истории народов Северного Кавказа [1, с. 5 – 63].

Помимо планируемых административных преобразований речь шла о введении в регионах судебных уставов от 20 ноября 1864 г. Будущие преобразования проектировались специальной комиссией военного ведомства. Активное участие в их разработке приняли и сотрудники административного и судебного ведомств. Законченные проекты были переданы на утверждение в Кавказский комитет.

30 декабря 1869 г. проекты были рассмотрены на самом высоком уровне. Высочайше были утверждены также предполагаемые должности областных, уездных (окружных), городских, полицейских и межевых учреждений, должности «временной комиссии для разбора сословных прав туземного населения Кубанской и Терской областей» [1]. Одновременно был сформирован временный штат чиновников, созданный для разбора и завершения дел, накопившихся в гражданских учреждениях Кубанского казачьего войска.

Однако все было отложено наместником Кавказа до 1 января 1871 г. Такая задержка была связана с необходимостью более важных «приготовительных мер». Решили открыть одновременно в областных и уездных (окружных) городах административные и полицейские учреждения. Во Владикавказе и Екатеринодаре планировалось открыть окружные суды. Мировые суды должны были функционировать там, где их деятельность разрешалась администрацией.

Территория Кубанской области, занимавшей пространство в 89037 кв. км., примерно 1/4 часть площади всего Наместничества, была разделена на 5 уездов: Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Баталпашинский, Майкопский.

В Ейский уезд вошли г. Ейск с населением в 26274 чел., 30 станиц с населением 89448 чел., две колонии с немецким населением (Александровская и Михельсталь) с 716 поселенцами.

Темрюкский уезд объединял г. Темрюк (7426 жителей), 40 казачьих станиц и один поселок (85862 жителей), два поселка с греческим населением (721 чел.), два аула с горским населением (437 человек).

Екатеринодарский уезд состоял из г. Екатеринодара (12889 чел.), 37 казачьих станиц с населением 88495 чел., 29 аулов с горским населением (16621 человек).

В Баталпашинский уезд вошли: г. Баталпашинск с населением в 3815 чел., 38 казачьих станиц (96787 чел.), 34 аула с горским населением (38599 чел.), 8 русских селений (10290 чел.), армянское село Армавир (3163 человек), немецкая колония (389 чел.), поселок с греческим населением (86 душ обоего пола).

Майкопский уезд состоял из г. Майкопа (10018 чел.), 63 казачьих станиц (85915 чел.), 21 горского аула (2950 чел.), 2 немецких колоний (808 чел.).

Таким образом, все население Кубанской области (без учета городского населения) распределилось по этническому составу следующим образом:

русских	–	517219 чел.;
горцев	–	83607 чел.;
армян	–	3163 чел.;
немцев	–	1913 чел.;
греков	–	798 чел.

Все население области составляло 606700 человек [2, с. 289 – 290].

Согласно данным Н.М. Рейнке, площадь уездов выглядела следующим образом:

1) Екатеринодарский	–	12144 кв. км.;
2) Темрюкский	–	15146 кв. км.;
3) Ейский	–	16616 кв. км.;
4) Майкопский	–	20236 кв. км.;
5) Баталпашинский	–	24895 кв. км.;
Общая площадь	–	89037 кв. км.

В процентном соотношении Екатеринодарский уезд занимал 13,03 %, Темрюкский 17%, Ейский 18,61%, Майкопский 22,71%, Баталпашинский 28%. Вышеуказанные цифры показывают, что минимальную территорию занимал Екатеринодарский, а максимальную – Баталпашинский уезд.

Этнический состав Кубанской области с учетом населения городов равнялся 795260 чел. т.е. 10,13 чел., на кв.км. В уездах же, принимая в расчет городское население, на кв. км. вырисовывается следующая картина:

1) В Екатеринодарском	–	14,1 чел.;
-----------------------	---	------------

2) Темрюкском	–	9,3 чел.;
3) Ейском	–	10, 1 чел.;
4) Майкопском	–	9, 9 чел.;
5) Баталпашинском	–	9, 1 чел.

По населенности Кубанская область в Кавказском наместничестве занимала, после Черноморского округа и Ставропольской губернии, последнее место. Этнический состав области был достаточно пестрым.

В Баталпашинский уезд вошли карачаевцы и абазины бывшего Эльбрусского округа, в Майкопский уезд – черкесы, абазины и ногайцы Зеленчукского и Урупского округов, в Екатеринодарский уезд – западные черкесы (адыгейцы) Лабинского и Псекупского округов. В эти же уезды вошли казачьи станицы, расположенные по соседству с аулами. Кроме того, в Кубанской области было два уезда почти исключительно с казачьим и русским населением – Ейский и Темрюкский [3, с. 431].

В Баталпашинском уезде в 1871 г. численность местного населения составляла 44507 чел., в Майкопском – 25620 чел. [4], в Екатеринодарском – 16629 чел. Всего горцев в Кубанской области проживало 86756 чел. из общего числа населения в 672224 чел. [5].

Многонациональное население Баталпашинского уезда проживало в следующих населенных пунктах: селениях Армавир, Богословское, Ивановское, Казьминское, Ольгинское, Рождественское, Успенское; станицах: Безкорбная, Барсуковская, Беломечетская, Бекешевская, Баталпашинская, Верхнее-Николаевская, Воровсколеская, Зеленчукская, Исправная, Кардоникская, Николаевская, Невинномысская, Надежная, Отрадная, Преградная, Передовая, Подгорная, Попутная, Прочноокопская, Рождественская, Сторожевая, Суворовская, Спокойная, Темнолесская, Усть-Джегутинская, Урупская, Удобная; горских аулах: Атажукинский (ныне Зеюко), Бибердовский (ныне Эльбурган), Вольный, Джазлык, Даут, Дударуковский, Докшуковский, Кувинский, Кургоковский, Кумско-Абазинский (ныне Красный Восток), Карамурзинский и Тохтамышевский (ныне Икон-Халк), Коноковский, Каменомост, Клычевский (ныне Псаучье-Дахе), Ешибоковский (ныне Абазакт), Балтинский (ныне Кызыл-юрт), Карт-Джурт, Касаевский (ныне Хабез), Лоовско-Зеленчукский (ныне Инжич-Чукун), Лоовско-Кубанский (ныне Кубина), Мансуровский (ныне Адиль-Халк), Маринский, Тазартуковский (ныне

Бесленей), Берслановский (ныне Инжи-Чихо), Теберда, Учкулан, Уруп, Ураковский (ныне Эркин-юрт), Хохандуковский (ныне Алибердуковский), Хурзук, Хумара, Шахгиреевский (ныне Апсуа), Эрсакон; поселках: Джеганас, Маруха, Хасаут; немецких колониях: Александерфельд, Вольденфюрст.

В пореформенный период в Кубанской области наблюдался быстрый рост числа переселенцев из центральных губерний России. Они составляли основную массу населения, которая оказывалась вынужденной арендовать казенные, помещичьи и казачьи земли на очень невыгодных для них условиях. В официальных документах их называли «иногородцами».

«Положение» об иногородних поселенцах фактически распространялось и на некоторую часть горского населения Кубанской области. Все прибывшие в аул после проведения реформ вошли в разряд временно проживающих и иногородних, права которых были очень ограничены. Так, иногородние жители не входили в состав сельской общины, не имели права участвовать в собраниях сельских сходов, а главное – не имели права на получение земельного надела.

Положение крестьян и особенно горской бедноты с каждым годом усугублялось еще больше в результате многочисленных переплетений старых порядков с новой системой. Бесконечные подати и повинности, как натуральные, так и общественные, в основном выполнялись беднотой.

Вторая половина XIX века для горского населения была весьма трудной. Обстановка усложнялась в силу того, что шла постоянная перестройка земельных владений и, конечно, не в пользу крестьянства, а в угоду местной верхушке казачества. Лучшими земельными участками наделялись офицеры царской армии и чиновники администрации за преданность и верную службу царю. Всё это ущемляло права и порождало недовольство населения властями, которое часто вело к открытым выступлениям, абречеству и другим видам сопротивления.

Революционная ситуация 1879 – 1880 годов и последующая реакция оказали большое влияние на политическую обстановку и административное устройство Северного Кавказа. Чиновники Кавказской администрации были обеспокоены ростом социальных противоречий в горских аулах и увеличением случаев социального протеста горского

населения. В связи с этим в Баталпашинском уезде начались репрессии. В Тебердинском ауле были арестованы Юсуп Боюнсузов, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков, обвинённые в государственной измене. Юсуп Боюнсузов был приговорён к 5 годам ссылки, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков – к 2 годам [6]. Составлялись списки горцев, предназначенных к высылке из края «административным порядком» [7]. Сама система гражданского управления оказалась обречена. Период гражданского управления длился недолго – с 1871 по 1888 гг.

Особенно осложнилось положение в уездах Кубанской области с горским или разнородным населением в период Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Это объяснялось тем, что представители горских народов, несмотря на то, что они были освобождены от несения воинской службы, нередко призывались в армию и под видом добровольцев отправлялись в район военных действий.

Правительственные власти и местная администрация прилагали все силы к тому, чтобы не допустить открытых и массовых выступлений местного населения против существующих порядков. Горскому населению Кубанской области запрещалось носить огнестрельное и холодное оружие, без которого они не представляли себе жизни. Наряду с этим, местные власти предпринимали меры к выселению наиболее неблагонадёжных лиц во внутренние губернии России. Предпринимались и другие меры карательного характера.

В результате усиления колониального гнёта и русификаторской политики царизма у горских народов были отобраны даже те небольшие политические права, которые они получили в 60 – 70 годы XIX в. «Всё управление областью было военизировано и подчинено казачьей администрации. Казачество в эти годы было одним из оплотов царизма, поэтому правительство стремилось повысить его роль и значение» [8].

В проекте преобразования административного управления Кубанской и Терской областей, а также Кубанского и Терского казачьего войска с циничной откровенностью сформулированы задачи, которые самодержавие возлагало на казачество. Правительство «воздвигало из казачьих станиц живой оплот на своих южных окраинах, оплот, который должен был сперва оградить спокойствие внутренних провинций от хищничества горцев, а затем стеснить и

задавить этих горцев в их собственных землях» [9, с. 40], – писал чиновник кавказской администрации.

Не лучшим было положение русского крестьянства, да и значительной части казачества. Нередко они попадали в столь же бесправное положение, в каком находилось горское население. В пореформенный период в среде самого казачества далеко зашло имущественное расслоение и политическое размежевание. Выделилась казачья верхушка, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти и огромные земельные владения. Именно казачья верхушка была тем оплотом самодержавия, который так нужен был царизму в годы реакции. Казачья беднота и поселившиеся в большом количестве в станицах иногородние были враждебно настроены к казачьим старшинам.

Исключительные меры нужны были, чтобы «сохранить казачество как отдельное сословие и поддержать его бытовые особенности» [10], и в угоду этому приносились в жертву интересы всех остальных групп населения области – горцев, горожан и иногородних.

В горских округах Кубанской области вся власть по-прежнему оставалась в руках казачьей администрации, которая при этом перекладывала ответственность за свои ошибки на самих же горцев – они якобы «продолжают по-прежнему коснеть в фанатических заблуждениях и весьма мало продвинулись вперед в своем гражданском развитии» [11].

Критика местного самоуправления нужна была властям для того, чтобы «оправдать военизацию административного управления Кубанской области» [12].

Что касается политической жизни горских народов, то и в этом отношении, по мнению ряда чиновников, дарование горцам гражданских прав не принесли желаемых результатов. Отсюда следовала необходимость лишения горцев этих гражданских прав и введение военной диктатуры казачьих начальников. Это, по мнению местной администрации, более соответствовало «бытовым условиям горцев» [9, с. 54] и «их традиционным взглядам на значение власти» [9, с. 54]. Отсюда следовало, что есть «серьезная необходимость усилить значение и права местной власти и строгость надзора за ними» [13]. В.П. Невская справедливо подчеркивает фактическую обреченность системы гражданского управления в изменившихся условиях нового царствования. Пытаясь как можно плотнее «прижать» Северокавказский регион к России, Александр III

22 ноября 1881 г. отменил Кавказское наместничество. В 1886 – 1888 гг. в Кавказском крае начался очередной этап административных преобразований.

В 1886 г. административные преобразования коснулись Терской области. Она была разделена на отделы, но сохранились также окружные правления. Казачье население (за исключением Сунженского отдела, в который входили также ингуши и часть кабардинцев) проживало в отделах, а горское население в округах. С этого времени Терская область включала следующие административные единицы:

1. Сунженский отдел (включая Ингушетию);
2. Пятигорский отдел;
3. Кизлярский отдел;
4. Владикавказский округ (Осетия);
5. Грозненский округ (Чечня);
6. Нальчикский округ (Кабарда);
7. Хасавюртовский округ (кумыки и чеченцы).

В результате административных преобразований и контрреформ 1880-х годов гражданское управление и гражданские органы власти в Кубанской области были ликвидированы и заменены военно-казачьими отделами. В 1888 г. Кубанская область была поделена на 7 отделов (горское население вошло в состав специальных участков в отделах):

1. Ейский с главным городом Ейск;
2. Темрюкский с главным городом Темрюк;
3. Екатеринодарский с главным городом Екатеринодар;
4. Майкопский с главным городом Майкоп;
5. Кавказский с центром в станице Кавказская;
6. Лабинский с центром в станице Лабинская;
7. Баталпашинский с центром в станице Баталпашинская.

Кроме того, в состав Кубанской области вошел Черноморский округ.

Карачаевцы, черкесы, абазинцы и ногайцы, жившие по Кубани и Зеленчукам, вошли в Баталпашинский отдел Кубанской области. По К.Т. Лайпанову, Баталпашинский отдел был расположен «на стыке Кубанской и Терской областей, Грузии и Ставропольской губернии и занимал обширную территорию от Урупа до Кумы и от Главного Кавказского хребта до линии Владикавказской железной дороги» [14, с. 6]. Отдел был разделён на два участка: Бибердовский и Хумаринский. Черкесские, абазин-

ские и ногайские аулы вошли в Бибердовский участок. Черкесские аулы Хумара и Кумско-Абазинский – в Хумаринский участок.

Жители участков были подчинены участковым начальникам и атаману Баталпашинского отдела. В руках участковых начальников (в основном русских офицеров) была сосредоточена вся военная и административная власть. Они контролировали деятельность сельских должностных лиц, финансовую деятельность сельского самоуправления, имели ряд судебных и полицейских полномочий. Без их согласия невозможно было проводить выборы сельских должностных лиц и т.д.

В 1888 г. были созданы «Учреждения управления Кубанской и Терской областей». Начальниками отделов стали наказные атаманы Терского и Кубанского казачьих войск. В военном отношении их права приравнивались к правам командиров дивизий, а в гражданском – полномочиям губернаторов. Атаман отдела получил право карать и наказывать горцев без суда и следствия, «подвергать их по личному своему усмотрению или по представлению начальника участка аресту до 6 месяцев. При укрытельстве или не выдаче аульными обществами виновных в преступлениях атаман имел право взыскивать с них денежные штрафы до 500 рублей для вознаграждения потерпевших или на устройство мест заключения» [15].

В 1880-х гг. российская администрация решительно приступила к унификации и русификации системы управления на Северном Кавказе. Такой политике содействовало изменение этнического состава населения края. Русское казачье и крестьянское население уже преобладало над местным горским населением Северного Кавказа. В сложившейся ситуации российская администрация восстановила основные принципы военно-народного управления, но для передачи административных функций казачьему начальству. Это не означало поворота к обособленной системе правления 1860-х гг. Это было

необходимо для ужесточения административного контроля над горским населением.

Таким образом, частичное самоуправление, данное горцам в 60–70-х годах XIX в., после проведенных контрреформ 1880-х годов было сильно урезано. Военно-народные округа были упразднены, уезды заменены отделами, в которых вся власть принадлежала казачьей администрации. Созданное на Северном Кавказе «военно-казачье управление», состоявшее из участковых начальников (низовой уровень), представляло собой аналог института земских начальников, созданного в Центральной России (1889г.). Фактически это означало завершение интеграции Северо-Кавказского региона в состав Российской империи.

Литература

1. Отчет по главному управлению наместника кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Тифлис. 1875.
2. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1972. Т. 2.
3. Очерки истории народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967.
4. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1036. Л. 411.
5. Там же. Л. 557.
6. ГАКК. Ф. 452. Оп. 3. Д. 130. Л. 17.
7. ГАКК. Ф. 774. Оп. 3. Д. 29. Л. 1.
8. ГАКК. Ф. 774. Оп. 3. Д. 29. Л. 1.
9. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 40.
10. РГВИА. Ф. 400. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 5.
11. Там же. Л. 19.
12. Там же. Л. 27.
13. РГВИА. Ф. 400. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 19.
14. *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917-1920 гг.). 2-е изд. 1987.
15. РГВИА. Ф. 404. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 47.